

Служанка сказала:

— Наложница Мэй сама знает, что сделала. Пожалуйста, следуйте за мной.

Ее высокомерный вид говорил о том, что, если они не пойдут, их заставят силой.

Наложница Мэй не стала сопротивляться напрасно, встала и сказала:

— Я повинуюсь. Только Синхуань всегда был спокоен...

Служанка прервала ее:

— Третий господин тоже должен пойти.

Она махнула рукой, и люди подошли.

Лоу Синхуань без выражения посмотрел на нее, поддерживая наложницу Мэй, прошел мимо них.

Когда они добрались до двора второй супруги, все, охрана, служанки и старухи, смотрели на них с серьезными лицами, некоторые с злорадством, другие с выражением крайней жестокости.

Дверь с грохотом захлопнулась.

Наложница Мэй крепко сжала его руку, ее суставы побелели.

Вторая супруга сидела под навесом, ей на коленях кто-то маникюр делал. Увидев двух подошедших, она улыбнулась, убрала руку, посмотрела на яркие ногти и сказала:

— Наложница Мэй, ты знаешь, в чем твоя вина?

— Я не знаю, — поклонилась наложница Мэй, — прошу вас, скажите.

Улыбка второй супруги вдруг исчезла, она указала на наложницу Мэй и Лоу Синхуаня, строго сказав:

— Ты осмелилась в доме князя вступить в связь с другим мужчиной!

В обычных богатых семьях связь наложницы с кем-то другим — это смертный грех, не говоря уже о доме князя.

Лоу Синхуань резко поднял голову, его глаза были мрачными:

— Вы клеветаете на мою мать.

Дождь шел все сильнее, крупные капли падали, причиняя боль.

Люди во дворе второй супруги заранее надели плащи, она сидела на стуле, и ни одна капля дождя не касалась ее.

Несколько служанок и старух подошли, чтобы схватить наложницу Мэй, Лоу Синхуань хотел броситься вперед, но его схватила охрана:

— Вы осмелились!

Вторая супруга гневно сказала:

— Ты, сын наложницы, осмелился так со мной разговаривать! Люди, дайте ему пощечину!

Дождь бил наложницу Мэй так, что она не могла открыть глаза, она торопливо сказала:

— Синхуань не хотел, прошу вас, пощадите его...

— Тебе тоже не избежать, — хлопнула в ладоши вторая супруга. — Приведите свидетеля.

Вчерашний аптекарь и мужчина вышли во двор, преклонив колени.

Мужчина был в халате, поклонился и сказал:

— Вторая супруга, это наложница Мэй первой соблазнила меня.

Лоу Синхуань чуть не разгрыз зубы, его волосы мокрыми прядями прилипли к лицу:

— Ты врешь!

Наложница Мэй несколько раз посмотрела на мужчину, затем сказала:

— Я тебя не знаю!

Вторая супруга усмехнулась:

— Конечно, ты скажешь, что не знаешь его, говори.

Аптекарь сказал:

— Я дважды приходил с лекарством и видел, как эта наложница с ним... ласкалась, и... одежда была в беспорядке...

Лоу Синхуань вдруг вырвался из рук охраны, как маленький зверь, сильно ударил аптекаря:

— Я разорву твой рот!

Вторая супруга гневно сказала:

— Чего вы ждете, дайте ему пощечину!

Охрана долго держала Лоу Синхуаня, прежде чем оттащить его. Лицо аптекаря было сине-фиолетовым и кровоточило, он невнятно сказал:

— Третий господин тоже видел, он просто злится из-за стыда!

Два громких хлопка, и кровь потекла из уголка рта Лоу Синхуаня, но он не просил пощады, злобно глядя на вторую супругу, его грудь сильно вздымалась, ненависть в глазах была как нож.

Вторая супруга сказала:

— Наложница Мэй, что ты еще можешь сказать?

«Тук-тук», в дожде внезапно раздался стук в дверь.

Вторая супруга нахмурилась. Служанка спросила через дверь:

— Кто там?

— Я из двора Люйшуан, наш господин сказал, что сегодняшнее лекарство еще не было доставлено наложнице Мэй, и, услышав, что она у второй супруги, осмелилась прийти спросить, — человек говорил с достоинством.

Глаза наложницы Мэй вдруг загорелись, она даже хотела броситься к двери, но старухи схватили ее и крепко закрыли рот.

Тот, кто давал пощечины, тоже перестал, закрывая рот Лоу Синхуаню, чтобы он не мог говорить.

Вторая супруга замерла, быстро обдумывая ситуацию.

Она проверяла, между Лу Бинъюнем и Лоу Синхуанем нет никаких родственных связей, сегодня он вернулся домой, по правилам это должно занять два-три дня, Лу Бинъюнь точно не вернется.

Наверное, он отправил людей следить за двором Фэнло, заметил что-то неладное и пришел спросить.

Успех или провал зависел от этого, она не могла сбиться с пути.

Вторая супруга подала знак, служанка поняла, громко сказала:

— Наложница Мэй действительно здесь, но она сказала, что лекарство господина Лу уже доставлено, она его выпила, благодарим вас за труды.

Человек снаружи на мгновение замер, затем вежливо сказал:

— Раз наложница Мэй в порядке, я пойду.

...

Дом маркиза Шуньнина.

Лу Бинъюнь полулежал на плетеном кресле, накрытый блестящей лисьей шубой, выглядел как ленивый и изысканный белый кот.

Лу Мин, словно помечая территорию, положил голову на колени Лу Бинъюня, глядя на него:

— Брат, ты придумал мое имя?

Лицо Лу Бинъюня было холодным, он промычал, склонив голову в раздумье:

— Еще нет.

— Я хочу, чтобы только ты дал мне имя, — сказал Лу Мин.

Капли дождя с крыши падали, создавая маленькие брызги.

Лу Бинъюнь улыбнулся, уголки его глаз слегка покраснели, что делало его кожу еще более

белой, как нефрит. Он сказал:

— Что бы я ни придумал, ты примешь?

— Да, — кивнул Лу Мин, серьезно.

Лу Бинъюнь вздохнул:

— Хорошо, я люблю послушных детей.

К сожалению, перед ним был волчонок, который мог укусить.

Лу Мин не знал, о чем он думал, только смотрел на него.

Лу Бинъюнь остался ради него, не обращая внимания на дела третьего сына наложницы князя Цина, что действительно радовало и удовлетворяло его, и это чувство опасности постепенно исчезало.

Однако в следующий момент кто-то прервал тишину.

— Молодой господин, у ворот сообщили, что вторая супруга обвиняет наложницу Мэй в связи с другим мужчиной.

Лу Бинъюнь замер, слегка приподнялся, шуба соскользнула:

— Князь Цин совсем не вмешивается?

— Да, со стороны князя нет никаких действий.

Лу Бинъюнь смотрел на дождь за окном, не говоря ни слова.

Лу Мин уговаривал:

— Дождь такой сильный, брат, не выходи.

Он совсем не хотел, чтобы Лу Бинъюнь отвлекался на кого-то другого.

Лу Бинъюнь же велел ему встать.

Лу Мин слегка усмехнулся:

— Каждый раз перед моим днем рождения ты остаешься со мной.

Лу Бинъюнь поднял бровь, сказав:

— Я люблю послушных детей, ты такой?

— А третий сын наложницы князя Цина тоже послушный, поэтому ты его тоже любишь?

— Да, — Лу Бинъюнь похлопал его по щеке, улыбка на его губах была странно холодной и злой.

— Если ты будешь таким же послушным, как раньше, я всегда буду любить тебя, А Мин.

Лу Мин замер.

Смотря на удаляющуюся спину Лу Бинъюня, он потрогал щеку, к которой прикоснулись, в его

сердце вспыхнуло волнение, словно пламя, которое становилось все сильнее.

А в дожде Лу Бинъюнь без выражения вытер руку, выбросил платок и сказал:

— Приготовьте карету.

...

Дом князя Цина.

Аптекарь громко сказал:

— ...В тот день наложница Мэй взяла нефритовый амулет у любовника в качестве залога, я сам это видел! Прошу вас, вторая супруга, рассудите!

— Как ты можешь так клеветать! Кашель... — наложница Мэй задыхалась от гнева.

Слуга сказал:

— Я видел, что третий господин всегда носит нефритовый амулет, наверное, наложница Мэй считала, что на нем он будет в безопасности.

— Вторая супруга, я чиста, у меня нет никаких связей с этим человеком! Я его даже не видела! Если вы не верите, позовите князя, пусть он рассудит!

Вторая супруга с торжеством сказала:

— Князь сказал, что дела внутреннего двора полностью доверены мне... супруге и мне.

Лоу Синхуань и наложница Мэй, их руки связаны веревками, сидели на коленях, волосы растрепаны, все мокрые.

Наложница Мэй и так была слаба здоровьем, теперь, от гнева, она закашлялась, еще больше ослабев.

Вторая супруга, увидев это, махнула рукой:

— Раз наложница Мэй ничего не может сказать, подпишите признание.

Старуха с зонтом подошла с листком бумаги, протянула наложнице Мэй:

— Пожалуйста, наложница.

Наложница Мэй увидела слово «связь» и отказалась подписывать, но старуха грубо схватила ее руку.

Лоу Синхуань вдруг сказал:

— Вторая супруга.

— Дерзкий! — служанка рядом с второй супругой сказала. — Ты сын наложницы, как ты смеешь так обращаться к своей мачехе!

Вторая супруга слегка смутилась.

Раньше, когда Лу Бинъюнь не пришел, она могла называть себя наполовину мачехой. Но теперь даже наполовину не было.

Она сменила позу.

...Но сейчас Лу Бинъюня нет, она может притвориться важной.

Вторая супруга подняла руку:

— Что ты хочешь сказать?

После первого порыва гнева и ярости Лоу Синхуань, казалось, успокоился, маленький, весь мокрый, стоял под дождем, его голос был спокойным:

— Отец перед отъездом сказал мне, чтобы я через два дня переехал в двор Люйшуан.

<http://bllate.org/book/16424/1488503>